

Удар был не слишком сильным, но мужчине, который оказался унижен на глазах у всех, это казалось настоящим позором. Чжан Ли стиснул зубы, решив проглотить обиду — кто знает, к какой организации принадлежал этот наглец, и связываться с ним было опасно.

Он не решился вызвать полицию, лишь проверяя свои вещи, пытался найти оправдание случившемуся, бормоча себе под нос:

— В наше время всякие люди встречаются, вот взял и разгромил мой источник дохода, не к добру это.

Он ожидал, что его слова вызовут одобрение окружающих, но, к его удивлению, люди вокруг начали говорить совсем другое:

— Как ты можешь так говорить? Если бы твоя палатка не стояла здесь, разве он бы разозлился?

— Точно, почему он не тронул другие палатки? Почему именно твою?

— Ты, наверное, приезжий? Видно, что ты не местный. Тот, кто разгромил твой лоток, мне кажется, я его раньше видел. Он обычно спокойный, а тут так разозлился.

— Да-да, видимо, этот торговец пирожками — негодяй.

Чжан Ли: [...]

Он был переполнен гневом и обидой, наконец осознав, что в этом мире действительно можно умереть от беспомощности. Он и не подозревал, что Ло Инбай наложил на него «заклинание жалоб», из-за которого все, кто его видел, в течение определённого времени говорили одно и то же. Чжан Ли чувствовал, что весь мир сошёл с ума.

Вместо того чтобы обвинить обидчика, они пришли сюда, чтобы обвинить жертву?!

Он изначально не собирался вызывать полицию, но теперь, доведённый до бешенства, бросился в ближайший участок, чтобы подать заявление. Там он увидел того самого молодого человека, который предупредил его о разгроме лотка, стоящего у входа и игравшего в телефон.

Чжан Ли, решив, что Ло Инбай тоже полицейский, с возмущением подошёл к нему и изложил свою ситуацию, надеясь, что полиция вступится за него.

Ло Инбай даже не поднял головы, продолжая смотреть в телефон, и с раздражением сказал:

— Да, я знаю. Я же тебя предупредил, что твой лоток разгромили. Ты бы лучше пошёл и убрал, а не пришёл сюда мне жаловаться.

Чжан Ли был на грани срыва, крича:

— Вы, полицейские, разве не должны заниматься такими делами?!

Ло Инбай наконец поднял на него взгляд, полный презрения:

— Заниматься? Как? Я тебе скажу, что проблема в твоей семье. Почему именно твою дочь похитили? Почему именно твой лоток разгромили? Почему именно тебя ударили? Причину нужно искать в тебе самом... Ах, да, я понял. Может, ты в свои пирожки что-то подмешиваешь? Иди домой, а я потом свяжусь с соответствующими органами, чтобы они проверили твои ингредиенты и санитарные условия.

Чжан Ли заорал:

— Что за отношение?! Я на тебя пожалуюсь!!

Ло Инбай отошёл в сторону:

— Ну иди, жалуйся. Начальник здесь — мой младший брат.

Чжан Ли: [...]

Не говоря ни слова, он развернулся и ушёл, едва сдерживая ярость, шагая так, что ноги путались.

Через некоторое время Ся Сяньнин вышел из участка, и Ло Инбай, повернувшись к нему, спросил:

— Дело закрыто. А что с талисманом запечатывания духа?

Ся Сяньнин ответил:

— Разобрались. Это был ученик из Секты Ми, который нарушил правила секты и тайно продавал их. Мы уже связались с их главой... Кстати, тот парень, он ещё жив?

Из последней фразы Ло Инбай уловил нотку восхищения и рассмеялся:

— Ну, наверное, наполовину мёртв.

Он раскрыл ладонь, и тот грозный мужчина превратился в бумажный талисман, который Ло Инбай убрал. Затем он добавил:

— Вообще, я не хотел вмешиваться в это дело, ведь у каждого свои причины и последствия. Но раз уж он узнал, почему его дочь похитили, если он не поймёт, то наше спасение Чжан Цзяжуй окажется напрасным. Надеюсь, этот метод хоть немного поможет.

Ся Сяньнин сказал:

— Если ты беспокоишься, через несколько дней я под видом расследования зайду к ним домой.

Ло Инбай почесал подбородок:

— Разгромить чужой лоток... Это немного подло. Не понесу ли я за это наказание?

Большинство мастеров обладают необычными способностями, недоступными обычным людям, и многие считают себя выше других, полагая, что могут управлять жизнью и смертью. Но Ло Инбай — редкий случай, когда даже мелкая шалость вызывает у него угрызения совести.

Ся Сяньнин почувствовал неожиданную нежность, вдруг ощутив, что его старший брат одновременно жалкий и милый — хотя, если снять розовые очки, к слову «жалкий» он не имеет никакого отношения.

Он мягко сказал:

— Это наше дело, ты помог мне его решить. Если и будет наказание, то оно падёт на меня. Я не боюсь, так чего тебе беспокоиться?

Ло Инбай рассмеялся:

— Ладно, ладно, хорошие братья делят всё пополам. Наверное, и наказание будет легче.

Чжан Ли, починив машину и купив инструменты, только к вечеру смог купить еду и вернуться в больницу.

Его жена уже ушла домой, чтобы проведать дочь, и Чжан Ли, поднимаясь по лестнице, снова вспомнил весь этот день, полный унижений. Слова, которые ему бросали, крутились в голове, вызывая невыносимую боль.

Он нёс несколько коробок с едой к палате, как вдруг услышал голоса жены и дочери. Жена говорила тихим голосом:

— Просто слушай маму. Когда папа вернётся, ты сразу извинись перед ним, не спорь. Скажи, что это из-за того, что ты слишком много играла, тебя и похитили. Обещай, что больше так не будешь, поняла?

Затем раздался детский голос:

— Но я не играла слишком много...

Жена продолжила:

— Если ты не играла, почему тогда эти двое похитили именно тебя? Руйруй, слушай маму, больше не зли папу, хорошо? Папе и так тяжело...

Увидев эту сцену, которая казалась знакомой, Чжан Ли не смог больше слушать. Он ворвался в палату, крича:

— Хватит! Замолчи!

Его жена и дочь одновременно повернулись к нему, их лица выражали одинаковый испуг. Этот испуг, как острая игла, пронзил гнев Чжан Ли, и вместо этого в его сердце поднялась незнакомая печаль.

Ему было тяжело весь этот день, но все эти страдания были нанесены ему чужими людьми. И только сейчас, увидев, как его дочь сталкивается с тем же самым, он осознал, что это они с женой причиняли ей боль.

У двери палаты кто-то бросил несколько газет, на которых была фотография мальчика, погибшего в этом деле, с размытым лицом. Красные заголовки кричали: «Ужасная смерть».

Где-то в углу больницы кто-то разрыдался.

Если бы в этом деле погибла его дочь...

Руйруй, видя его молчание, робко сказала:

— Папа, прости, это я слишком много играла...

— Нет, — глубоко вздохнул Чжан Ли, непривычно погладив её по голове. — Папа не винит тебя, это плохие люди виноваты... В будущем мама и папа будут защищать Руйруй, держаться подальше от плохих людей.

Сказав это, он почувствовал, как в его носу защекотало — часть от стыда, а часть... от обиды.

Маленькую дочь легко успокоить, и после нескольких слов она снова стала веселой и радостной. Но жена Чжан Ли подумала, что он либо сошёл с ума, либо был сломлен внезапным ударом, и осторожно спросила:

— Ремонт и всё такое... Это, наверное, дорого обошлось?

Чжан Ли, вспомнив, тоже сжался от боли:

— На ремонт машины ушло 872 юаня 50 фэней, а если считать упущенную прибыль, то около тысячи.

Руйруй внезапно сказала:

— Мама, папа, в моём мишке есть деньги.

Жена Чжан Ли обернулась и увидела, что дочь держит игрушку, почти такую же большую, как она сама, и с трудом копается в кармане медведя, пока не вытаскивает небольшую пачку купюр.

Она удивилась, взяла деньги и начала считать:

— Откуда у тебя этот медведь?

Руйруй ответила:

— Полицейский дядя подарил мне.

Жена Чжан Ли сказала:

— Может, это его деньги? Надо вернуть...

Она замолчала на полуслове, когда её пальцы, считающие деньги, остановились — среди купюр было несколько мелких, и в сумме получилось ровно 1 372 юаня 50 фэней.

Дело о похищении было раскрыто, все подозреваемые задержаны, и благодаря трансляции в интернете оно вызвало небольшой резонанс.

<http://bllate.org/book/15511/1395915>